

Едва уговорившись, Ли Маосянь тут же достал кисть. От старого бруска туши остался лишь кусочек величиной в два пальца, бережно завернутый в холстину. Отец капнул в тушечницу чистой воды и принялся терпеливо растирать её, пока на дне не скопился тонкий слой темной влаги.

Ли Маосянь обмакнул кисть, но не спешил переносить иероглифы на дерево. Рука его давно отвыкла от письма, поэтому он сперва долго практиковался на обрывках старой бумаги. Лишь когда каждый знак стал выходить уверенно и четко, он принялся выводить их на деревянных костях.

По-хорошему, главную кость — ту самую «Барышню» — следовало бы выделить алой тушью, но красной краски в доме не водилось, так что пришлось обойтись обычной черной.

Ли Цинхун и Ли Цинфэн стояли рядом, боясь даже вздохнуть погромче, чтобы не сбить отца под руку.

Когда работа была закончена, тушь просушили и расставили кости в коробе. Всего-то десяток иероглифов, но вид игры мгновенно преобразился: теперь перед ними была не просто кучка деревяшек, а настоящая забава, к которой так и тянуло прикоснуться.

Ли Цинфэн так и горел желанием попробовать, но, помня, что вещь пойдет на продажу, побоялся размазать свежие знаки.

— Малыш, покажи-ка нам, как это делается, — попросил он брата.

Ли Цинвэнь кивнул и под внимательными взглядами родных принялся ловко передвигать кости. Чтобы отец и братья успели уловить суть, он нарочно замедлял движения. Впрочем, порядок действий юноша знал назубок, поэтому не прошло и сотни ходов, как «Барышня», миновав заслоны из родственников, благополучно «вышла из терема».

Братьям показалось, что всё это проще простого.

— Попробуйте и вы, — разрешил Ли Маосянь. — Если смажете иероглифы — заново напишу.

Едва отец разрешил, Ли Цинфэн первым протянул руку. Поначалу дела у него шли ладно, но вскоре всё смешалось. Провозившись добрых полчаса и сделав десятки ходов, он обнаружил, что «Барышня» застряла в самом верхнем ряду.

Всё выглядело так легко, когда играл младший брат, но в его руках кости словно превратились в запутанный клубок! Четвертый брат не желал сдаваться: он всё больше горячился, деревяшки в коробе только сердито постукивали, а девица на выданье не сдвинулась ни на шаг.

Не будь этот короб творением рук его собственного отца, Ли Цинфэн, пожалуй, в сердцах швырнул бы его об стену. Вспотев от усердия и окончательно запутавшись, он с надеждой взглянул на Малыша.

Ли Цинвэнь принялся терпеливо объяснять хитрость:

— «Музыку», «Шахматы», «Книги» и «Живопись» старайся держать парами, не разделяй их...

Даже зная секрет, новичку было трудно справиться с задачей. Ли Цинвэню пришлось направлять руку брата, пока «Барышня», словно скромная невеста, наконец не показалась у выхода.

— Наберешься опыта — и само пойдет, — утешил его Ли Цинвэнь.

— Нет, — вздохнул Ли Цинфэн, — тут голову включать надо, а это не по мне.

Ли Цинхун, дождавшись своей очереди, подошел к делу куда осторожнее. Он подолгу обдумывал каждый шаг, но к тому времени, как мать позвала всех к ужину, «Барышня» всё еще томилась в заточении.

— Играть куда труднее, чем смотреть, — подивился Третий брат. — Всего-то горсть деревяшек, а не слушаются. Думаю, у старших братьев выйдет лучше. Ли Цинжуй сообразительный, а Ли Цинчжо терпения не занимать.

Ли Цинвэнь согласно кивнул. Старший брат и впрямь отличался живым умом — в деревне поговаривали, что такому человеку за плугом ходить — только талант губить.

Вспомнив о нем, юноша невольно загрустил. Ли Цинжуя забрали на государственные работы — копать речной ил в округе Сицзян. Его не было дома уже полгода, и вернуться он обещал лишь после жатвы. Провинция Динчжоу растянулась узкой полосой с востока на запад; от их уезда до столицы провинции, города Цинчэн, была добрая тысяча ли — путь даже более долгий, чем до самой имперской столицы. Одному небу известно, каково ему там приходится на тяжких работах.

За ужином мужчины сидели притихшие — все мысли были заняты новой затеей. Едва отложив палочки, они снова сгрудились у стола с игровым коробом.

Когда Ли Цинвэнь обмолвился, что у этой задачи есть множество способов решения, братья лишь ахнули. Одолеть бы хоть один, а их, оказывается, целое множество!

При дневном свете солодовый сахар выглядел чудесно: леденцы были чистыми, белыми, и трудно было поверить, что они сделаны из темного янтарного сиропа. Видя перед собой две корзины сахара и готовый игровой короб, Ли Цинхун не удержался и спросил отца, когда же

они отправятся в уезд. Только обменяв всё это на звонкую монету, можно будет вздохнуть спокойно.

Ли Маосянь, поймав взгляд жены, кашлянул:

— Завтра и пойдём.

Маленький Ли Чжэнлян запрыгал от радости, тоже желая увязаться со взрослыми, но мать ловко заткнула ему рот кусочком сахара.

После полудня братья, подхватив плетеные корзины, отправились в горы косить траву.

Деревню Тополиную окружало множество холмов и гор. Те, что пониже и пологие, давно были распаханы под посевы, а на высоких кручах из-под земли торчали одни камни — там и траве зацепиться не за что. Земли под пашню вечно не хватало, крестьяне старались засеять каждый клочок, так что косить траву приходилось в низинах да по краям глубоких оврагов.

Эти овраги, промытые ливнями за долгие годы, тянулись глубокими шрамами по земле. Иные были в человеческий рост, а другие — сажени в две глубиной, широкие настолько, что по дну могла проехать телега. Кое-где склоны обрывались круто, пугая своей отвесностью, но попадались и пологие спуски, где зелень была особенно сочной.

Косьба была делом ежедневным: траву несли свиньям и курам, а остатки сушили на растопку. Соломы с полей на долгую зиму никогда не хватало, так что за весну и лето нужно было запастись как можно больше хвороста и сушняка.

Возле самой деревни всё давно уже было выкошено под корень, так что братья двинулись на север. По пути им попала стайка деревенских мальчишек, тоже занятых косьбой. Едва завидев Ли Цинвэня, они уставились на него, а потом в один голос выкрикнули: «Дурачок!», и бросились наутек.

Ли Цинфэн так и закричал зубами от злости. Он подхватил с земли увесистый камень и, широко размахнувшись, швырнул его вслед обидчикам.

Четвертый брат не раз ввязывался в драки, и рука у него была меткая. Снаряд угодил одному из мальчишек прямо в спину. Тот истошно взвизгнул и припустил еще быстрее.

Ли Цинвэнь даже вздрогнул. Булыжник был немаленький, попади он в голову — беды не миновать. Но, понимая, что брат вступился за его честь, он лишь мягко проговорил:

— Четвертый брат, ты только скажи, чьи это дети. Мы лучше к их родителям сходим, пусть сами своих сорванцов учат. Если ты их покалечишь, хлопот потом не оберёшься.

— Да что толку с их родителями толковать! — Ли Цинфэн всё никак не мог унять ярость. — Они сами такие же. Проучить их надо хорошенько, сразу язык прикусят!

Ли Цинхун тоже был раздосадован, но, будучи человеком рассудительным, понимал: если прольется кровь, придется платить за лекарства, да и скандала на всю деревню не избежать. Он попытался урезонить брата, но Ли Цинфэн, упрямый и вспыльчивый, и слушать ничего не желал. Юноша только прибавил шагу, быстро скрывшись из виду за поворотом оврага.

Третий брат только вздохнул. Эти наглые мальчишки и впрямь донимали их не первый год, но и кулаками дело не решишь. Ли Цинвэнь догнал рассерженного Ли Цинфэна и принялся всячески его ублажать добрым словом, и лишь к вечеру, когда они вернулись домой с полными корзинами, гнев того поостыл.

Сбросив ношу, Ли Цинвэнь тайком отозвал Ли Цинхуна в сторонку, и вдвоем они направились к дому на восточном краю деревни.

В деревне, пока в доме есть люди, ворота всегда нараспашку. Едва войдя во двор, братья увидели женщину, которая сосредоточенно перебирала что-то в большом сите.

— Тётушка, дома ли хозяева? — окликнул её Ли Цинхун, остановившись на пороге.

Женщина подняла голову, и её тонкие брови сошлись у переносицы, образовав десяток сердитых складок. Она поднялась и решительно пошла навстречу гостям:

— А, это ты, Третий из семьи Ли? Что, пришел просить прощения за свои художества?

Ли Цинвэнь и его брат оторопели. Они шли за справедливостью, а их самих выставляли виноватыми!

Не дав им вставить и слова, женщина заголосила:

— Вы моего Дунли побили на глазах у всей деревни! Думали, не узнаю?

— Тётушка, у всякого дела есть причина, — спокойно заговорил Ли Цинвэнь. — Ваш Дунли не раз и не два обзывал меня прилюдно. Терпение наше лопнуло, только тогда брат и взялся за камни. Если он первым извинится и пообещает впредь не распускать язык, то и я перед ним повинюсь, и обижать его больше не станем.

Госпожа Пан во все глаза уставилась на парня, которого еще недавно вся округа считала полоумным. Его рассудительная речь её немало удивила. Её колючий, недобрый взгляд, словно лезвие ножа, прошелся по юноше с ног до головы.

— Ишь ты! Пятый-то, гляжу, и впрямь в ум вошел! Ишь как складно поет, поучать меня вздумал! Мой Дунли просто пошутил с тобой, а ты и вскинулся. А я вот сама хотела к вам зайти да спросить с вашего бешеного осла! Он сыну всю спину камнем разворотил, синяк в полхребта! Я еще за лекарства с вас не потребовала, а вы еще смеете мне тут вину выговаривать?!

Услышав, как эта женщина называет Ли Цинфэна, Ли Цинвэнь понял, что разговор будет пустым. Сын — отражение матери: если та привыкла осыпать людей бранью, то и ребенок вырастет таким же.

Ли Цинхун еще пытался спорить:

— Дунли первый начал! Фэн-эр просто не стерпел обиды. Он ведь Малыша постоянно задирает. Уймите вы его, тётушка! Коли он язык прикусит, мы его и пальцем больше не тронем.

— Третий, да ты в своем ли уме?! — Госпожа Пан уперла руки в бока. — Мой сын просто слово сказал, а вы его чуть не пришибли! Ишь, какие важные выискались! Эй, люди добрые, гляньте-ка! Эти трое пользуются тем, что в нашей семье детей мало, и обижают сиротку! Я и слова им не сказала, а они сами к моим воротам приперлись права качать!

На крики из соседних дворов стали выглядывать любопытные. Народ потянулся к дому Пан, но больше для того, чтобы поглазеть на скандал, нежели кого-то мирить.

Ли Цинхун от ярости задрожал всем телом, крепко сжав ладонь младшего брата.

— Ты... ты всё с ног на голову ставишь! — выдохнул он.

— Да не носи ты мне тут своей чепухи! — взвизгнула Пан, переходя на крик. — Твой брат что, не дурачком был? А раз дурачок — так и нечего обижаться, когда правду говорят! Тьфу на вас! — Она подпрыгнула на месте от злости. — Сопляк, ты кто такой, чтобы мне указывать? Еще раз моего Дунли пальцем тронете — я у ваших ворот сяду и три дня голосить буду! Пусть вся деревня знает, как семейка Ли числом берет да слабых притесняет!

— Хабалка! — внезапно отчетливо произнес Ли Цинвэнь. — Бесстыжая хабалка!

Госпожа Пан осеклась, глаза её округлились, а палец едва не ткнул юношу в самый глаз:

— Ах ты, щенок! Ты как меня назвал? Думаешь, раз нас мало, так и заступиться некому?!

Уклонившись от её руки, Ли Цинвэнь твердо повторил:

— А кто ты есть, как не хабалка скандальная? Совсем совесть потеряла, раз чужие слова тебя

так задевают?

Слова, которыми Пан только что швырялась в них, вернулись к ней сторицей.

Зеваки только диву давались: младший сын Ли Маосяня и впрямь переменялся. Встретить такую бабу, как Пан, и не стусеваться, а прямо в глаза ей правду высказать — тут и впрямь отцовская порода видна.

Госпожа Пан уже замахнулась, желая отвесить наглецу пощечину, но Ли Цинфэн схватил брата за руку и бросился наутек. Отбежав на безопасное расстояние, Ли Цинвэнь обернулся и крикнул вслед беснующейся женщине:

— Сын твой из-за своего языка еще наплачется! Попадет на кого покрепче — и одним камнем не отделается! И всё это — потому что мать его вовремя не вразумила!

<http://bllate.org/book/15828/1428142>